



**Н.В. Шаброва**

## **РОДИТЕЛЬСТВО В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Представлены результаты анализа родительства в качестве института гражданского общества. Гражданское общество в работе трактуется как тип развития общества, при котором относительно независимые от государства, но взаимодействующие с ним граждане и их ассоциации на основе определенных принципов отношений осуществляют совместную деятельность по удовлетворению общих потребностей (защиты прав, интересов, свобод и т.д.) в пределах норм социальных взаимодействий.

Автор приходит к выводу, что в настоящее время происходит становление родительства в качестве института гражданского общества, обусловленное динамикой как института родительства, так и институциональной структуры гражданского общества. Данный процесс выступает своеобразным откликом на объективно возникающие потребности родителей по защите прав и интересов (как своих собственных, так и детей), нуждающихся в удовлетворении в ходе практик совместной коллективной деятельности. О становлении родительства в качестве института гражданского общества говорят: 1) воспроизводство институтом родительства институциональных свойств гражданского общества; 2) функции гражданского общества, которые институт родительства содержательно начинает выполнять; 3) те институциональные практики гражданского общества, в которые вовлекается родительство.

Делается вывод о том, что становление родительства в качестве института гражданского общества позволит усилить процесс его формирования и развития. Осознав свою роль по защите собственных прав и интересов, а также прав и интересов детей, родительство сможет стать субъектом гражданского общества, способным постоянно принимать и реализовывать социально значимые, самостоятельные и ответственные решения и действия.

Ключевые слова: *родительство, гражданское общество, социальный институт, свойства социального института, функции социального института, структура гражданского общества, институциональные практики гражданского общества.*

Анализ места и роли родительства в структуре современного общества и гражданского общества как его особого типа хотелось бы начать с позиций институционального подхода, что актуализирует, в свою очередь, необходимость определиться с тем, что же мы понимаем под социальным институтом.

В научной литературе существует большое число определений данного понятия. М.Ю. Барбашин в своей работе приводит около 20 социально-психологических и поведенческих феноменов, выступающих отправной точкой для определения термина «институт» [1]. Все многообразие трактовок определения социального института может быть сгруппировано в рамках трех подходов: 1) это совокупность статусов и ролей; 2) это устойчивая система идей и отношений; 3) это социальные практики, регулируемые социаль-

---

© Шаброва Н.В., 2019

**Шаброва Нина Васильевна** – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», e-mail: urfu-stu@mail.ru.

ными нормами [2, с. 340–341]. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые под социальным институтом понимают постоянно и регулярно воспроизводимые социальные практики, санкционированные социальными нормами. Более того, в ходе реализации данных социальных практик (и возникновении новых) актуализируются потребности в выработке норм, ролей, регулирующих эти практики.

Вообще разнообразие подходов к социальному институту, по мнению М.Ю. Барбашина, выступает препятствием для адекватного использования методологического потенциала институционального подхода. В качестве альтернативы он предлагает при применении институционального подхода сосредоточиться не столько на определении понятия и структурных элементов социального института, сколько на его основных социальных свойствах.

В соответствии с выделенными М.Ю. Барбашиным свойствами института родительство, несомненно, можно рассматривать как институт общества [1]. Доказательством тому служат следующие аргументы.

Во-первых, практики родительства и регулирующие их нормы возникли как отклик на удовлетворение *потребности* в воспроизводстве (в широком смысле) будущих поколений.

Во-вторых, родительские *алгоритмизированные* (т.е. осуществляемые в определенном порядке) практики *регулярно и устойчиво* продуцируются на протяжении уже многих тысяч лет.

В-третьих, институциональные нормы и практики родительства не передаются биологически, они *усваиваются в процессе социализации* через различные каналы и формы. Чаще всего в научной литературе анализируется как раз влияние опыта родительской семьи на формирование ценностей, норм и готовность включаться в те или иные практики родительства<sup>1</sup>.

В-четвертых, институциональные практики родительства *затратны* для родителей. Воспроизводство, жизнеобеспечение и социализация молодого поколения требуют от родителей времени, знаний, денежных средств и т.д. Вместе с тем само членство в институте (включение в институциональные практики родительства) обогащает и усиливает ресурсную базу родителей.

В-пятых, институциональная среда оказывает влияние на ее членов, но степень принятия (усвоения) институциональных норм и уровень включенности в институциональные практики у родителей различны. Отсюда возникает важность *арбитражности* института родительства, обусловленная потребностью в регулировании и разрешении споров между его членами. Поскольку нормы, регулирующие родительские практики, объективно

---

<sup>1</sup> См.: Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85–97; Гурко Т.А. Качество родительства в молодых семьях: понятийный аппарат, стратегия и выборка исследования // Актуальные проблемы родительства в России. М., 2013. С. 8–28.

зафиксированы формально (в законодательстве страны) и неформально (в культурных традициях), то в качестве «арбитра», накладывающего санкции за несоответствующее нормам поведение, выступает как государство, так и мнение окружающих (общественное мнение).

Таким образом, мы получаем шестую характеристику института родительства: институциональные практики родительства *наблюдаются* и фиксируются как соответствующие (или не соответствующие) нормам. Более того, актуальные практики родительства оцениваются и *рефлексируются* (как реальными, так и потенциальными членами института), что позволяет корректировать и родительские практики, и нормы, их регулирующие. Например, в советском обществе материнство вне брака рассматривалось как девиантная, отклоняющаяся от нормы, практика. Соответственно молодые женщины, оказавшиеся «в положении» без штампа в паспорте, оценивали свои силы и возможности реализации данной родительской практики. В современном же обществе материнство без супружества уже не является отклоняющейся от нормы практикой, что говорит о трансформации именно институциональной нормы.

Приведенный выше пример позволяет выделить еще два институциональных свойства родительства: *альтернативность* (и свобода) осознанного выбора поведенческих практик и их *целесообразность*. Конечно, выбор советской девушки – рожать или не рожать – не отличался шириной альтернатив, но, тем не менее, он был и делался женщиной с ориентацией на удовлетворение определенных потребностей и ценностей.

Как и любой другой институт, институт родительства динамичен. Его практики и нормы, их регулирующие, меняются во времени и пространстве культур. Особенностью современного состояния института родительства, по мнению Т.А. Гурко, является его нарастающая вариативность [3]. Эта вариативность проявляется в том, что, наряду с сохраняющими свою функциональность «старыми практиками» (естественное биологическое воспроизводство, обеспечение жизнедеятельности и социализация детей в полной нуклеарной семье и т.д.), появляются новые институциональные практики родительства и нормы, их регулирующие. Эти новые практики касаются, благодаря развитию медицинских технологий, способов подготовки к продолжению рода (специальные практики подготовки к зачатию, планированию пола ребенка и т.д.) и воспроизводства детей (искусственное оплодотворение, суррогатное материнство и т.д.). Они увеличиваются за счет расширения форм и методов обеспечения жизнедеятельности (опека, патронаж, постразводные практики родительства и т.д.) и социализации детей (увеличение вовлеченности в процесс воспитания отцов, сосуществование постфигуративного, кофигуративного, префигуративного типа социализационной культуры и т.д.)<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> См.: Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988; Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988.

Вариативность института родительства зависит от широкого спектра факторов социальных, политических, социокультурных и т.п. В частности, в России, по мнению Т.А. Гурко, она обусловлена неравномерностью модернизационных процессов, сосуществованием различных укладов, включая доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, этнокультурными различиями и социальным расслоением [3].

Вместе с тем хотелось бы добавить, что институциональная вариативность родительства проявляется не только в расширении структуры практик родительства, но и в изменении содержания функций института родительства и характера его отношений с другими институтами (и особенно с институтом государства).

Одной из современных тенденций, вектором развития института родительства, на наш взгляд, является его становление в качестве института гражданского общества. Но, прежде чем переходить к доказательству данной позиции, необходимо обозначить, что же мы будем понимать под гражданским обществом и его институциональной структурой.

Гражданское общество – сложное и многоаспектное явление. Отсюда не удивительно многообразие подходов к трактовке его сущности, структуры, функций и т.д. Широка подходов к гражданскому обществу обусловлена не только сложностью содержательного анализа его природы, структуры, функций и т.д., но и количеством критериев, используемых для классификации подходов. Зачастую отдельные авторские концепции группируются в подходы на базе одного основания в виде двух дихотомических подходов и третьего как промежуточного<sup>3</sup>. Рассмотрим основные критерии и подходы к анализу гражданского общества.

*В зависимости от соотношения границ государства и гражданского общества* в научной литературе выделяется две фундаментальных позиции. В соответствии с первой границы государства и гражданского общества совпадают, а со второй – нет, т.е. первая идентифицирует гражданское общество с государством (Локк, Гоббс), а вторая противопоставляет их друг другу (Д. Юм, А. Фергюсон, А. Смит, Т. Пейн, Б. де Мандевиль) [4].

Несмотря на единодушие большинства современных исследователей в поддержке подхода к гражданскому обществу как относительно автономному от государства образованию, возникает много дискуссий относительно: *1) характера отношений между гражданским обществом и государством; 2) пространства, занимаемого гражданским обществом; 3) базовых актов гражданского общества, действующих в этом пространстве.*

---

<sup>3</sup> Следует отметить, что в научной литературе встречаются и концепции, чьи авторы выделяют подходы к гражданскому обществу на основе нескольких критериев. См.: Taylor C. Invoking civil society // Philosophical arguments. Harvard, 1995. P. 204–224.

В.К. Левашов так сформулировал основные подходы к гражданскому обществу *в зависимости от характера отношений с государством*: «Множественность точек зрения на природу гражданского общества и государства располагается в континууме между двумя полюсами: „государство и гражданское общество – непримиримые противники“ и „государство и гражданское общество – вечные союзники“» [5, с. 54]. Истина, как полагает исследователь, лежит посередине и определяется диалектикой развития отношений между обществом и государством.

*В зависимости от пространства, занимаемого гражданским обществом по отношению к государству* одни исследователи понимают под гражданским обществом предельно широкое социальное пространство, в котором личность реализует свои социальные интересы, т.е. гражданское общество это все то, что не относится к государству [6, с. 14]. Другие ученые пытаются ограничить пространство гражданского общества, выделяя те или иные критерии<sup>4</sup>.

Еще одно основание, в соответствии с которым исследователи пытаются выделить подходы к гражданскому обществу, – его *базовые акторы*. Одни полагают, что «ткань» гражданского общества соткана из относительно автономных граждан, которые посредством гражданского общества удовлетворяют свои потребности в безопасности, свободе и защите индивидуальных (частных) прав<sup>5</sup>. Другие, акцентируя внимание на социальной природе человека, считают, что гражданское общество состоит из объединений граждан – добровольных ассоциаций<sup>6</sup>. Третьи, следуя логике «золотой середины», рассматривают гражданское общество как пространство, в котором удовлетворяются потребности как автономных индивидов, так и добровольных ассоциаций граждан<sup>7</sup>.

---

<sup>4</sup> С. Хендерсон и М. Ховард в качестве основополагающего признака гражданского общества рассматривают членство в гражданских организациях. См.: Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 4. С. 446. В.К. Левашов полагает, что «гражданское общество должно состоять из граждан, владеющих имуществом, свободных членов общества, которые осознают, декларируют и с помощью инструментов гражданского права и государства могут реализовать свои интересы». См.: Левашов В.К. Состоялось ли гражданское общество в России? // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 2(78). С. 54. Л. Даймонд ограничивает пространство гражданского общества только теми гражданами, которые активно участвуют в публичном политическом процессе. См.: Ламзин Р.М. Понимание сущности гражданского общества в структуре политических процессов // Наука и современность. 2011. № 14. С. 91–95.

<sup>5</sup> См.: Гаджиев К. Политическая наука. М., 1994.

<sup>6</sup> Марк Морье Ховард предлагает в целях эмпирического описания уровня развития гражданского общества интерпретировать его как членство людей в общественных организациях. См.: Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 4. С. 452.

<sup>7</sup> См.: Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 5.

Не вступая в дискуссии о природе и истинности того или иного подхода, мы под гражданским обществом будем понимать тип развития общества, при котором относительно независимые от государства, но взаимодействующие с ним граждане и их ассоциации на основе определенных принципов отношений (например, доверие, уважение к другому, ответственность) осуществляют совместную деятельность по удовлетворению общих потребностей (защиты прав, интересов, свобод и т.д.) в пределах норм социальных взаимодействий.

В функциональном плане гражданское общество: 1) интегрирует членов общества; 2) способствует их нравственному воспитанию и самоорганизации; 3) содействует реализации и защите реальных прав и свобод граждан; 4) создает возможности для гражданского участия, в том числе для осуществления общественного контроля; 5) выступает предохранительным клапаном, снижающим уровень социальной напряженности<sup>8</sup>.

Институциональный подход к гражданскому обществу позволяет проанализировать существующие на данном этапе исторического развития формы и практики совместной жизнедеятельности людей, выделить нормы и правила, регламентирующие деятельность лиц и их ассоциаций в структуре гражданского общества.

Используя логику институциональных характеристик, выделенных М.Ю. Барбашиным, под институтами гражданского общества в самом широком смысле мы будем понимать структурированные и регулируемые нормами социальные практики совместной добровольной деятельности граждан и их ассоциаций, осуществляемые в относительно независимом от государства пространстве для удовлетворения общих потребностей (защиты прав, интересов, свобод и т.д.). Данные целесообразные, алгоритмизированные практики усваиваются в процессе социализации, регулярно и устойчиво воспроизводятся на основе осознанного свободного выбора и отчуждения части своих ресурсов, поскольку граждане и их ассоциации испытывают потребности, нуждаются в них. Они (эти практики) наблюдаются, оцениваются и рефлексированы для дальнейшей корректировки и совершенствования как самих практик, так и деперсонализированных норм, их регулирующих. Но граждане и их ассоциации нуждаются не только в «гражданских практиках», но и в «арбитре», который регулировал бы внутренние противоречия между ними. В зависимости от теоретического подхода к гражданскому обществу та-

---

<sup>8</sup> Перечень функций гражданского общества составлен на основе материалов: Экономическое значение гражданского общества / А. Аузан, В. Тамбовцев // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49; Басов В.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 74–82; Горшков М.К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий юга России. 2013. № 1. С. 12–22; Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 136–145.

ким арбитром могут быть государство или активисты общественных/ политических/неправительственных/некоммерческих организаций. Кроме того, полагаем, что арбитром может выступать и само гражданское общество, формулирующее свое отношение к тем или иным институциональным практикам на уровне общественного мнения.

В научной литературе существует несколько концепций, авторы которых анализируют институциональную структуру гражданского общества. С нашей точки зрения, наиболее конструктивными представляются две концепции институтов гражданского общества. Первая из них представлена в работах А. Аузана и В. Тамбовцева. Они выделяют среди институтов гражданского общества социальные сети, местные организации и негосударственные организации, рассматривая их как *элементы системы, вступающие в отношения между собой, а также с внешней средой (органами государственной власти и частным (коммерческим) сектором)* [7, с. 30]. Эти три элемента институциональной структуры гражданского общества отличаются степенью формализации целей их деятельности и отношений в ходе практик взаимодействия. В общественных организациях цель деятельности и практики взаимодействия максимально формализованы, в социальных сетях цель деятельности ситуативна, а практики взаимодействия не имеют жесткой регламентации. Местные организации представляют собой промежуточное состояние между социальными сетями и общественными организациями.

Второй, значимый с нашей точки зрения, подход к институциональной структуре гражданского общества представлен в работах Брюса Сиверса [8]. В рамках его концепции гражданское общество – исторически сложившаяся социальная конструкция: переплетение семи нитей, четыре из которых отражают институциональные структуры, а три – социальные нормы. К институциональным структурам он относит юридические, филантропические, некоммерческие и добровольные учреждения, а также практики свободного выражения позиции (мнения). К социальным нормам – обязательства в отношении общего блага, индивидуальные права и толерантность. Логика концепции Б. Сиверса такова: институциональные практики, реализуемые в рамках институциональных структур, регулируются и связываются тремя основополагающими (базовыми) нормами (обязательства в отношении общего блага, защиты прав и взаимоуважения). Несомненным достоинством данного подхода к институциональной структуре гражданского общества, на наш взгляд, является возможность «нарисовать» свой узор институциональной структуры гражданского общества в конкретной стране посредством анализа особого переплетения этих семи нитей в каждой из них, поскольку сам Б. Сиверс полагает, что эти нити являются составными и интерактивными компонентами. В ходе исторического развития они не просто взаимодействуют, но и изменяются.

Последний тезис крайне важен для нас, так как дает возможность подчеркнуть, что институциональная структура гражданского общества не статична. Она трансформируется во времени и пространстве. Происходит изменение значимости и функций «традиционных» институтов гражданского общества, институционализация новых практик общественных отношений и взаимодействий. Одним из векторов такой трансформации выступает, как было отмечено выше, становление родительства в качестве института гражданского общества. Полагаем, что в современных условиях институт родительства видоизменяется, приобретает свойства и функции института гражданского общества.

В пользу данного утверждения говорит несколько фактов. Во-первых, усложнение социальных процессов в обществе, увеличение рисков и неопределенности усиливают потребности родителей в безопасности, коллективной заботе о подрастающем поколении. Во-вторых, изменения, происходящие в институте родительства (в мотивации, характере детско-родительских отношений и взаимодействия с другими институтами и т.д.), изменяют структуру и содержание выполняемых им функций. Например, 150–200 лет назад функцию образования и воспитания родители выполняли самостоятельно либо при поддержке «близкого» круга лиц и понимали (и определяли), чему надо научить своего ребенка. Сегодня, при фактически полной передаче данной функции институту образования, задачами родителей становятся: 1) поиск «подходящей» образовательной организации; 2) мониторинг и корректировка возникающих в процессе образования ситуаций, т.е. по сути, родители в данном плане выполняют функцию института гражданского общества – общественного контроля.

В-третьих, институт родительства все чаще вовлекается в политическое пространство. Одностороннее нарушение государством «общественного договора», предполагавшего, среди прочего, его невмешательство в частную жизнь граждан, в частности относительно воспитания, образования, защиты и т.д. детей, активизирует возникновение потребностей родителей в реализации и защите своих прав и интересов, а также прав и интересов детей, причем не только своих [9].

Кроме того, если правам и проблемам детей государство еще хоть как-то уделяет внимание, стремясь исполнить основные положения Конвенции прав ребенка, то права и роль родителей зачастую вообще игнорируются [10].

Таким образом, *становление родительства в качестве института гражданского общества выступает своеобразным откликом на объективно возникающие потребности родителей по защите прав и интересов (как своих собственных, так и детей), нуждающихся в удовлетворении в ходе практик совместной, коллективной деятельности.*



Удовлетворение данных потребностей, с одной стороны, происходит в рамках существующих легализованных практик защиты прав и интересов родителей и детей, регламентированных формальными и неформальными нормами, с другой – неизбежно приводит к возникновению новых практик и норм.

Проанализируем свойства института родительства как института гражданского общества на основе институциональных характеристик, выделенных М.Ю. Барбашиным. Во-первых, конечно, институт родительства становится институтом гражданского общества в силу *заинтересованности и потребности в нем граждан* (как родителей, так и детей) в защите своих прав и интересов. Родители могут объединяться, например, для отстаивания прав детей на качественное образование, т.е. потребность родителей в обеспечении детей качественным образованием будет актуализировать поиск (или конструирование) таких практик.

Во-вторых, в рамках института родительства появляются *альтернативы* (и свобода) осознанного выбора поведенческих практик, ориентированных на защиту прав и интересов. Так, отстаивание родителями прав детей на качественное образование может быть реализовано как в виде конвенциональных, институционально одобряемых форм (составления коллективного обращения, работе в родительских советах, участии в санкционированных митингах и т.д.), так и неконвенциональных – незаконных (несанкционированных пикетах, забастовках и т.д.). Кроме того, оно может быть реализовано в рамках различных организационных форм (в терминологии А. Аузана, В. Тамбовцева): от спонтанных волеизъявлений посредством социальных сетей до включения в негосударственные (общественные) организации.

В-третьих, институциональные практики по защите прав и интересов родителей и детей, реализуемые родителями, *алгоритмизированы*. Они осуществляются во времени и пространстве в определенном порядке, тем самым поддерживается *регулярность и устойчивость* их воспроизводства. Например, если права и интересы детей не нарушаются (нет угрозы нанесения психологического, физического и другого вреда их здоровью), то родители не будут инициировать и осуществлять поиск альтернативных практик по их защите.

В-четвертых, поиск родителями альтернативных институциональных практик по защите прав и интересов (как своих, так и детей) *целесообразен*. Он зависит от степени и масштабов проблемы. Если проблема внутриорганизационная (внутришкольная) и касается отдельного предмета и педагога, то в качестве целесообразных родительских практик по защите прав и интересов детей будут обращения к руководству школы или в районное управление образования с просьбой (жалобой) о смене педагога. Если же проблема носит более масштабный характер, то для ее решения потребуются другие практи-

ки. Например, московские родители активно включаются в работу онлайн-собраний, организованных Департаментом образования города, для решения общих для муниципалитета школьных проблем (переход на пятидневную учебную неделю; выбор графика каникул; создание общественных комиссий по контролю за питанием; организация и реализация просветительских проектов и т.д.) [11]. Результатом их обсуждений становится либо изменение существующих практик, либо принятие новых решений в масштабах всего города. В частности, по итогам одного из таких собраний (в феврале 2016 года) от городского экспертно-консультативного совета родительской общественности поступило предложение убрать с территории учебных заведений имеющиеся автоматические киоски и не ставить новые. Власти города поддержали просьбу родителей школьников, и в настоящий момент в школах нет таких аппаратов.

В-пятых, институциональные практики по защите прав и интересов родителей и детей *затратны* для родительства. Включение в них требует от родителей как материальных, так и нематериальных ресурсов. Вместе с тем включение родителей в эти практики способно обогащать и усиливать их символический (за счет уважения, авторитета, в том числе в глазах детей), культурный (за счет самореализации, самосовершенствования) и социальный (посредством расширения и укрепления связей) капитал.

В-шестых, институциональные практики защиты прав и интересов, а также нормы, их регулирующие, постигаются родителями *в процессе социализации* (как первичной, так и вторичной). И здесь следует подчеркнуть важный момент: с одной стороны, родители выступают социализантами (т.е. теми, кто социализируется), усваивающими существующие практики защиты прав и интересов и нормы, их регулирующие, а с другой – социализаторами (т.е. теми, кто социализирует), транслирующими детям (как своим собственным, так и не своим) и другим родителям через различные каналы и формы данные практики и нормы.

Хотелось бы отметить, что институт родительства, особенно в России, еще не стал в полной мере институтом гражданского общества, а находится в стадии своего становления. Доказательством тому служит размытость (слабая сформированность, низкий уровень воспроизводства) некоторых институциональных свойств родительства как института гражданского общества. В частности мы считаем, что в настоящее время не до конца отслеживается и фиксируется на уровне общественного мнения *результативность* социальных практик по защите прав и интересов родителей и детей. Возможно, это связано с тем, что связь между реализованными практиками гражданского участия родителей и результатом (например, усвоенными ребенком ценностями гражданского общества) слишком отсрочена, зависит от широкого спектра факторов и, как результат, ее сложно прогнозировать. Доказательст-

вом тому служит масса исследований, чьи авторы пытаются выделить детерминанты, предопределяющие формирование активного члена гражданского общества<sup>9</sup>.

Еще одним свойством, не в полной мере, на наш взгляд, реализуемым институтом родительства как институтом гражданского общества в настоящее время, является *деперсонализированность* норм. Зачастую выбор практики и регулируемой ее нормы обусловлен статусом родителей – социальным, профессиональным, экономическим, этническим и т.д. Так, даже в развитых гражданских обществах Европы и Америки возникают проблемы защиты прав и интересов своих детей у родителей-мигрантов.

Наконец, не во всей полноте реализуется *арбитражность* института родительства как института гражданского общества в регулировании и разрешении споров между его членами. Институциональная родительская среда оказывает влияние на членов института, но степень принятия институциональных норм, содержательное выполнение перечня родительских функций и уровень включенности в институциональные практики у них различен. Проблема заключается, на наш взгляд, не только в том, что на данном этапе развития родительства как института гражданского общества не сформировалась система санкций за невключение родителей в социальные практики по защите прав и интересов, но и отсутствует признаваемый сторонами «арбитр» в регулировании и разрешении споров между ассоциациями родителей. К сожалению, в большинстве случаев родители, в поиске «арбитра» в регулировании и разрешении споров между собой, апеллируют к государству. Тогда как, на наш взгляд, в гражданском обществе такими «арбитрами» должны быть и сами родители, и дети как члены этого гражданского общества.

Еще одним доказательством приобретения институтом родительства свойств института гражданского общества является перечень выполняемых им функций. Наряду с «традиционными» функциями (биологического воспроизводства, жизнеобеспечения, социализации и т.д.) институт родительства содействует реализации и защите реальных прав и свобод граждан (родителей и детей). Более того, содержание социализирующей функции института родительства все больше сводится к трансляции родителями норм, ценностей и практик участия именно в гражданском обществе. Таким образом, можно утверждать, что особенностью современного этапа развития института родительства является переходное состояние выполняемых им функций: родительство все отчетливее выполняет функции институтов гражданского общества.

Механизм функционирования родительства как института гражданского общества, на наш взгляд, вписывается в логику рассуждений О.Н. Яницкого

---

<sup>9</sup> См.: Шаброва Н.В. Концепция родительства как субъекта развития гражданского общества // Вестник СурГПУ. 2018. № 2 (53). С. 7–16.

относительно механизма функционирования социального движения как института гражданского общества [12, с. 53]. Родительство, с одной стороны, действует в легитимных рамках существующего социального порядка (т.е. в рамках практик, регулируемых институциональными нормами), а с другой, стремится изменить его в свою пользу (т.е. создать, воспроизвести новые институциональные практики и нормы). Таким образом, родительство как институт гражданского общества своими коллективными действиями приводит (стремится) к расширению структуры политических возможностей легитимных рамок, но одновременно с этим государство, в целях самосохранения, может суживать, сжимать эти рамки. Итоговый же вариант конфигурации будет зависеть от соотношения сил государства и гражданского общества.

Реализуя свои функции как института гражданского общества, родительство вступает во взаимодействие (напрямую и опосредованно – через детей) с целым рядом формальных и неформальных институтов в политической, экономической, социальной и духовной сферах. Например, защищая свои права как работника или потребителя каких-либо товаров, родительство неминуемо (напрямую) взаимодействует с институтом бизнеса, участвуя в голосовании – с политическим институтом выборов, отдавая предпочтение тому или иному каналу получения информации – с институтами СМИ и т.д. Вместе с тем следует подчеркнуть, что структура институтов, с которыми родительство как институт гражданского общества взаимодействует, неоднородна по степени реализации ими функций гражданского общества. В ней встречаются такие институты (и их элементы), которые в большей мере нацелены на реализацию функций гражданского общества, и те, у которых стремление в осуществлении функций гражданского общества выражено в меньшей степени. В частности, несмотря на то, что институт образования, с которым родительство опосредованно взаимодействует через включение их детей в систему образования, в целом является формализованным государственным институтом, не нацеленным на реализацию функций гражданского общества, в его структуре есть институты (элементы), которые ориентированы на осуществление данных функций. Таковыми могут быть институты неформального образования: школы раннего развития, центры детского творчества, образовательные центры и т.д. Кроме того, даже в формальных образовательных учреждениях (школах, колледжах, вузах) работают люди, которые в ходе своей профессиональной деятельности могут транслировать (как детям, так и их родителям) разные идеи, убеждения, отношения, в том числе нормы, ценности и практики участия в гражданском обществе.

Каким же образом институт родительства встраивается, интегрируется в институциональную структуру гражданского общества? Для ответа на данный вопрос обратимся к проанализированным выше концепциям структуры гражданского общества. В соответствии с ними (подходами А. Аузана,

В. Тамбовцева и Б. Сиверса) родительство инициирует создание и вовлекается в институциональные практики гражданского общества, непосредственно связанные с их родительским статусом:

- *негосударственные (общественные) родительские организации*, нацеленные на решение уставных задач, в числе которых приоритетной выступает защита интересов, прав детей и родителей в различных сферах жизнедеятельности<sup>10</sup>;

- *местные родительские организации*, действующие с целью удовлетворения каких-либо специализированных для родителей проблем. В качестве таковых выступают организации родителей с больными детьми [13, 14], родителей-мигрантов [15], родителей, чьи дети обучаются (воспитываются) в определенной образовательной организации [16, 17] или на определенной территории<sup>11</sup>;

- *социальные сети родителей* – спонтанные практики оперативного «низового реагирования» на возникновение какой-либо проблемы, угрожающей их интересам и свободам. Примерами таких практик выступает участие родителей в политических движениях (например, в США «NASCAR», «Wal-Mart Moms», «Mortgage Moms» и др.) [18], акциях (например, в России «Марш матерей», проведенный 15 августа 2018 года матерями-активистками в поддержку задержанных по обвинению в «организации экстремистского сообщества» подростков)<sup>12</sup>;

---

<sup>10</sup> Примерами таких организаций на территории России могут быть: Общероссийская общественная организация «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей», объединяющая родителей практически всех регионов страны, основной целью которой является социальная поддержка и защита институтов семьи, материнства, отцовства, детства и российских семейных ценностей, решение иных социальных проблем, а также развитие гражданского общества в Российской Федерации (<http://ngra-russia.ru/glavnaya/ob-assocziaczii/uchreditelnyie-dokumenty/ustav.html>); Некоммерческое партнерство в защиту семьи, детства личности и охраны здоровья «Родительский комитет», созданное по инициативе родителей и учителей в 2000 году для сохранения и укрепления нравственных устоев семьи и возрождения лучших семейных традиций; содействия защите и охране прав детей и родителей в сфере образования, здравоохранения, деятельности средств массовой информации и рекламы, информационной защиты; защиты прав и свобод человека, достоинства личности, гарантированных Конституцией России, а также содействия самоорганизации родителей и созданию родительского общественного движения в защиту семьи и детства (<http://www.r-komitet.ru/aboutus>).

<sup>11</sup> В настоящее время в России развивается такая форма гражданского участия родителей в решении их проблем на территории муниципалитетов, как городской родительский совет. В частности, такой совет был создан в 2009 году при главе города Каменск-Уральского для развития и эффективного функционирования системы образования города, повышения качества образования, координации деятельности педагогической и родительской общественности, способствующей укреплению взаимодействия семьи и образовательного учреждения, содействующей развитию социально активной, образованной, нравственно и физически здоровой личности ребенка (<http://old.kamensk-uralskiy.ru/society/gragdane/urban-parental-advice/pg1/1279>).

<sup>12</sup> См.: В Москве началась несогласованная акция «Марш матерей» (<https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/08/15/778251-marsh-materei#>).

---

---

- *филантропические (благотворительные)* организации и проводимые ими акции, нацеленные на помощь детям и их родителям, находящимся в трудной жизненной ситуации<sup>13</sup>.

Членство родителей в таких институциональных практиках способствует пробуждению их общественной активности, аккумулирует их социальный капитал и повышает уровень личной ответственности, позволяет решать общие проблемы путем взаимной поддержки и лоббирования групповых интересов [13, 14, 19]. Кроме того, оно выступает *способом свободного выражения родительской позиции (мнения)* государству, его структурам и, как результат, способствует развитию гражданского общества, выступая одним из наиболее эффективных институциональных способов саморегуляции и самоорганизации граждан.

Помимо вовлечения в институциональные практики гражданского общества, непосредственно связанные с родительским статусом, родительство включается в деятельность институциональных структур гражданского общества, напрямую не связанных с их родительским статусом: политические, профессиональные, религиозные, этнические, культурные, спортивные, экологические и другие организации и объединения. Членство в них позволяет родителям не только удовлетворять свои личные потребности, но и повышать качество жизни (как своей, так и детей); транслировать детям позитивность включения в практики гражданского участия.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время происходит становление родительства в качестве института гражданского общества, обусловленное динамикой как института родительства, так и институциональной структуры гражданского общества. Оно (становление родительства в качестве института гражданского общества) выступает своеобразным откликом на объективно возникающие потребности родителей по защите прав и интересов (как своих – родительских, так и детей, причем не только своих), нуждающихся в удовлетворении в ходе практик совместной коллективной деятельности. О становлении родительства в качестве института гражданского общества говорит: 1) воспроизводство институтом родительства институциональных свойств гражданского общества; 2) функции гражданского общества, которые институт родительства содержательно начинает выполнять; 3) те институциональные практики гражданского общества, в которые вовлекается родительство.

Вместе с тем следует подчеркнуть вариативность уровня сформированности родительства в качестве института гражданского общества в разных

---

<sup>13</sup> См.: Российский благотворительный Фонд «Поможем вместе» занимается организацией помощи детям с онкологическими и другими тяжелыми заболеваниями (<http://xn--b1afb9acbm7an.xn--p1ai/%D0%BE-%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B5/>); Благотворительный детский фонд «Мы вместе» создан в 2008 году для организации благотворительной помощи тяжелобольным, осиротевшим детям, а также детям из малообеспеченных семей, проживающих в Свердловской области (<https://fond-vmeste.ru/index.php/article/archive/5/>).

странах. Эти отличия обусловлены особенностями развития институтов родительства и гражданского общества в них: спецификой политического, экономического устройства, социокультурных традиций, социальных практик взаимодействия между частной сферой и государством, объемами и типами гражданского участия и т.д. [4, 20].

Полагаем, что становление родительства в качестве института гражданского общества позволит усилить процесс его формирования и развития (особенно в России). Осознав свою роль по защите собственных прав и интересов, а также прав и интересов детей (и не только своих), родительство сможет стать субъектом гражданского общества, способным постоянно принимать и реализовывать социально значимые, самостоятельные и ответственные решения и действия.

*Статья подготовлена при поддержке Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (конкурс 2019 года «Проведение научных исследований отдельными научными группами»), проект «Родители и школа: взаимодействие в системе образования города».*

## Список литературы

1. Барбашин М.Ю. Социальные свойства институтов // Социологические исследования. – 2018. – № 2. – С. 25–34.
2. Зборовский Г.Е. Общая социология: учеб. – М.: Гардарики, 2004. – 592 с.
3. Гурко Т.А. Брак и родительство в России: моногр. / Ин-т социологии РАН. – М., 2008. – 325 с.
4. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63–73.
5. Левашов В.К. Состоялось ли гражданское общество в России? // Мониторинг общественного мнения. – 2006. – № 2(78). – С. 54–62.
6. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий юга России. – 2013. – № 1. – С. 12–22.
7. Аузан А., Тамбовцев В. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 28–49.
8. Sievers B. What Is Civil Society? // GIA Reader. – 2009. – Vol. 20, no. 1. – URL: <https://www.giarts.org/article/what-civil-society> (accessed 19 June 2018).
9. Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. – 2010. – № 1. – С. 6–19.
10. Pia M. van den Boom. Advancing children's rights through parent support services. – URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/books/b9789004295056s040> (accessed 16 June 2018).

11. Лисник В.И. Проведение родительских собраний онлайн как инструмент повышения доверия к системе московского образования // *Управленческие науки в современном мире*. – 2017. – Т. 1. – С. 653–658.
12. Яницкий О. Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // *Социологические исследования*. – 2013. – № 3. – С. 50–59.
13. Ищенко А.М. Потенциал родительских сообществ в сохранении и укреплении здоровья детей (на примере ВРОО «Центр поддержки больных целиакией») // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 638–640.
14. Хворова А.М. Роль общественных объединений родителей детей с полисистемными нарушениями развития в формировании родительской компетентности: 1990–2015 гг. // *Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Сер. 3: Филология. Педагогика. Психология*. – 2016. – Т. 6, № 3. – С. 100–109.
15. Delgado-Gaitan C. Parenting in two generations of Mexican American families // *International journal of behavioral development*. – 1993. – № 16(3). – P. 409–427.
16. Doherty W.J., Jacob J., Cutting B. Community engaged parent education: strengthening civic engagement among parents and parent educators // *Family relations*. – 2009. – № 58. – P. 303–315.
17. Sanders M.R., Kirby J.N. Surviving or thriving: quality assurance mechanisms to promote innovation in the development of evidence-based parenting interventions // *Prevention Science*. – 2015. – № 16. – P. 421–431.
18. Elder L., Greene S. The Politics of parenthood: Parenthood effects on issue attitudes and candidate evaluations in 2008 // *American Politics Research*. – 2012. – № 40(3). – P. 419–449.
19. Ищенко А.М. Религиозные родительские объединения как фактор улучшения репродуктивного здоровья в регионе (на примере г. Череповца Вологодской области) // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. – 2013. – Т. 8, № 1. – С. 53–54.
20. Haddad M.A. Civic responsibility and patterns of voluntary participation around the world. – URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/166> (accessed 18 June 2018).

## References

1. Barbashin M.Iu. Sotsial'nye svoistva institutov [Social characteristics of the institutions]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 2, pp. 25–34.
2. Zborovskii G.E. Obshchaia sotsiologiya [General sociology]. Moscow, Gardariki, 2004, 592 p.
3. Gurko T.A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow, Institute of Sociology of the RAS, 2008, 325 p.
4. Kirdina S.G. Grazhdanskoe obshchestvo: ukhod ot ideologemy [Civil society: Avoiding ideologeme]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2012, no. 2, pp. 63–73.



5. Levashov V.K. Sostoialos' li grazhdanskoe obshchestvo v Rossii? [Has civil society been realized in Russia?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 2006, no. 2(78), pp. 54–62.

6. Gorshkov M.K. Grazhdanskoe obshchestvo i grazhdanskoe soznanie v sovremennoi Rossii [Civil society and civil consciousness in modern Russia]. *Gumanitarii iuga Rossii*, 2013, no. 1, pp. 12–22.

7. Auзан A., Tambovtsev V. Ekonomicheskoe znachenie grazhdanskogo obshchestva [The economic role of civil society]. *Voprosy ekonomiki*, 2005, no. 5, pp. 28–49.

8. Sievers B. What Is Civil Society? *GIA Reader*, vol. 20, no. 1 (Spring 2009), available at: <https://www.giarts.org/article/what-civil-society> (accessed 19 June 2018).

9. Maiofis M., Kukulin I. Novoe roditel'stvo i ego politicheskie aspekty [New parenthood and its political aspects]. *Pro et Contra*, 2010, no. 1, pp. 6–19.

10. Pia M. van den Boom. Advancing Children's Rights through Parent Support Services. Available at: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/books/b9789004295056s040> (accessed 16 June 2018).

11. Lisnik V.I. Provedenie roditel'skikh sobranii onlain kak instrument povysheniia doveriia k sisteme moskovskogo obrazovaniia [Parent/teacher meetings as a means of increasing trust to the system of Moscow education]. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire*, 2017, vol. 1, pp. 653–658.

12. Ianitskii O.N. Sotsial'nye dvizheniia v sovremennom obshchestve: voprosy teorii [Social movements in contemporary society: Issues of theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 3, pp. 50–59.

13. Ishchenko A.M. Potentsial roditel'skikh soobshchestv v sokhraneni i ukreplenii zdorov'ia detei (na primere VROO “Tsentr podderzhki bol'nykh tseliakiei”) [The potential of parental communities for the preservation and strengthening of child health (using the example of “Celiacs Support Centre”). *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 638–640.

14. Khvorova A.M. Rol' obshchestvennykh ob"edinenii roditel' detei s polisistemnymi narusheniami razvitiia v formirovanii roditel'skoi kompetentnosti: 1990–2015 gg. [The role of public communities of parents with children suffering from polysystemic developmental disorders in building of parental competence: 1990–2015]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta im. Ianki Kupaly. Seriia 3. Filologiia, Pedagogika. Psikhologiia*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 100–109.

15. Delgado-Gaitan C. Parenting in two generations of Mexican American families. *International journal of behavioral development*, 1993, no. 16 (3), pp. 409–427.

16. Doherty W.J., Jacob J., Cutting B. Community engaged parent education: Strengthening civic engagement among parents and parent educators. *Family relations*, 2009, no. 58, pp. 303–315.

17. Sanders M.R., Kirby J.N. Surviving or thriving: quality assurance mechanisms to promote innovation in the development of evidence-based parenting interventions. *Prevention Science*, 2015, no. 16, pp. 421–431.

18. Elder L., Greene S. The Politics of Parenthood: Parenthood Effects on Issue Attitudes and Candidate Evaluations in 2008. *American Politics Research*, 2012, no. 40(3), pp. 419–449.

19. Ishchenko A.M. Religioznye roditel'skie ob"edineniia kak faktor uluchsheniia reproduktivnogo zdorov'ia v regione (na primere g. Cherepovtsa Vologodskoi oblasti) [Religious parental communities as the factor of the reproductive health improvement in the Vologda Region]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia*, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 53–54.

20. Haddad M.A. Civic Responsibility and Patterns of Voluntary Participation around the World. Available at: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/166> (accessed 18 June 2018).

Оригинальность 93 %

Получено 26.11.2018    Принято 21.12.2018    Опубликовано 28.06.2019

**N.V. Shabrova**

## PARENTHOOD IN THE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF CIVIL SOCIETY

The article presents the results of the analysis of parenthood as an institution of civil society. Civil society is interpreted herein as a type of social development in which citizens relatively independent from the state but interacting with it can form associations on the basis of certain principles of relations and carry out joint activities to meet common needs (protection of rights, interests, freedoms, etc.) within the norms of social interactions.

The author comes to the conclusion that currently there is the formation of parenthood as an institution of civil society, due to the dynamics of both the institution of parenthood and the institutional structure of civil society. This process acts as a kind of response to objectively emerging needs of parents to protect the rights and interests (both their own and children's) that need to be met in the course of joint collective activities. The following points testify to the formation of parenthood as an institution of civil society: 1) reproduction by the institution of parenthood of the institutional properties of civil society; 2) the functions of civil society that the institution of parenthood substantially begins to perform; 3) those institutional practices of civil society that involve parenthood.

It is concluded that the formation of parenthood as an institution of civil society will strengthen the process of its formation and development. Realizing its role in protecting its own rights and interests, as well as the rights and interests of children, parents can become a subject of civil society, able to constantly make and implement socially significant, independent and responsible decisions and actions.

*Keywords: parenthood, civil society, social institution, properties of social institution, functions of social institution, structure of civil society, institutional practices of civil society.*

**Nina V. Shabrova** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Technology of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, e-mail: [urfu-stu@mail.ru](mailto:urfu-stu@mail.ru).

Received 26.11.2018    Accepted 21.12.2018    Published 28.06.2019